

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

281

М.
Всегда.

Остерегайся угодить под чужое колесо фортуны.
Станислав Ежи Лец

Нет ничего более чуждого, чем бывшее свое.
Алекс Хилл

*Наибольшим источником наших страданий является
ложь, которую мы твердим самим себе.
Чрезвычайно важно позволить себе знать то,
что вы знаете. Это требует огромного мужества.*
Бессел Ван Дер Корк

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

I

— Если вдруг не проснусь, — сказала мать, — бывает же, после наркоза...

Марго закатила глаза, мать заметила обиженно:

— Кривись хоть до завтра, а никто не знает.

— Мама, это катаракта, каждому второму ее делают. И ты сама так хотела.

— Хотела! Да я там со страху помру, лежать и смотреть, как они мне нож в глаз втыкают.

Марго засмеялась, мать рассердилась:

— Смейся, смейся. Опять меня с толку сбילה. А я тебе важное хотела сказать. Вот послушай.

Марго вздохнула, сделала внимательное лицо. Сейчас начнутся жалобы: на врачей, на соседей по палате, на здоровье, на ее, Ритину, непутевую, бестолковую жизнь.

Мать помолчала, достала из тумбочки сумку, вытащила потрепанную картонную папку с разлохматившимися завязками, вынула большой коричневый конверт, протянула Марго.

Марго взяла конверт, встряхнула, вылетела старая фотография и зеленоватая тонкая книжечка с большим гербом на обложке — свидетельство о рождении.

— Прочитай-ка, — не глядя на нее, сказала мать странным сдавленным голосом.

— Рихтер Рина Самуиловна, — прочитала Марго. — Отец — Рихтер Самуил Исаакович, еврей. Мать — Рихтер Лея Абрамовна, еврейка.

Имена казались знакомыми, словно она слышала их, и не раз, но где и когда — вспомнить не получалось. Она посмотрела на фотографию, выцветшую, блекло-коричневую, в серой картонной рамке с золотым тиснением. Полная молодая женщина, густоволосая и большеглазая, сидела на стуле с высокой спинкой, держала на руках пухлого младенца неопределенного пола. Худой высокий мужчина в костюме и галстук, длиннолицый, гладко выбритый, забавно лопухий, стоял рядом, положив руку ей на плечо. Лица их тоже казались знакомыми, и Марго рассердилась на себя, что никак не может вспомнить. Она отложила фотографию, снова открыла свидетельство. Таинственная Рина Рихтер была ее ровесницей, тот же месяц, тот же год, всего на неделю моложе*. Марго повертела свидетельство в руках, посмотрела вопросительно на мать.

— Помнишь — друзья мои, на кладбище каждый год ходим? — по-прежнему не глядя на нее, поинтересовалась мать.

— Конечно, помню, — выдохнула Марго и едва не рассмеялась от облегчения.

Рихтеры, друзья матери, сто лет назад погибшие в автокатастрофе. Каждый год в день их гибели мать ходила на кладбище, и каждый год брала Марго с собой, не пропустив ни разу, даже в бурные подростковые года, когда приходилось заманивать и запугивать.

* При усыновлении в советское время обычно немного изменяли дату рождения. (Здесь и далее примеч. авт.)

Теперь Марго вспомнила и фотографии на памятке, те же печальные глаза, то же длинное лицо. Все еще недоумевая, она глянула исподлобья на мать, странно маленькую и жалкую, в огромном, не по размеру, больничном халате. Мать сидела на самом краешке кровати и пристально, не отрываясь, смотрела на Марго. По щекам ее текли медленные крупные слезы, капали на лежавшую на коленях папку, расплываясь по сухому картону темными причудливыми пятнами.

— Что? — спросила Марго.

Мать молчала, и Марго крикнула, пугаясь все больше и больше:

— Что? Что?!

— Это родители твои, — сказала мать и заплакала в голос.

— Какие родители? — тупо переспросила Марго. — Чьи родители?

— Твои, — всхлипывая, повторила мать. — Их машина сбила насмерть. А я тебя взяла. Из дома малютки.

— Из какого дома?

— Малютки же. Для сирот.

— Но ты их знала? — спросила Марго после долгой-долгой паузы, нарушаемой только материнскими пунктирными всхлипываниями.

Мать покачала головой.

— Совсем не знала?

— Совсем, — прошептала мать. — Не видала даже ни разу.

— Так зачем же ты...

— Тебя взяла? Пожалела, понравилась ты мне.

Марго сердито дернула плечом, мать заговорила быстро, сбивчиво, утирая слезы:

— Тебя в дом малютки привезли из больницы, после аварии. Как родных не нашли, стали в детдом

оформлять, а я там нянечкой работала, в доме малютки, детей кормила, я ж рассказывала тебе. Тебя тоже кормила, такая ты хорошенькая была, куколка просто, все с тобой нянчились. И ела хорошо, и спала. А в детдом отдавать — что ж детдом, известное дело, ничего хорошего. Я уж знаю небось, сама детдомовская. Вот я Леше и говорю: давай возьмем. Своих-то не было, не получалось чего-то. А он говорит: ну давай. Он добрый был, Леша-то, пьющий, но добрый, ты же помнишь. Когда с кассиршей своей связался, все равно денег нам посылал. Другой и на родных пожалеет, а он каждый месяц посылал. А я и не просила вовсе, а он на переводе пишет: для Риточки. Так и слал, пока не помер.

Мать снова всхлипнула, бросила на Марго быстрый боязливый взгляд.

Медсестра зашла в палату, сказала громким, заранее сердитым голосом:

— Приемные часы закончились.

Невзрачный мужичонка, в большом, словно купленном на вырост, костюме, торопливо вскочил с соседней койки, его огромная жена, поглядывавшая на Марго и мать с хищным любопытством, прикрикнула: “Сядь!”, и он так же торопливо сел обратно.

— Только и ждешь удрать, — обиженно сказала жена, мужичонка пробормотал виновато:

— Велели же.

— Всем велели, — отрезала она.

Марго представила себе их домашнюю жизнь: как она выдает ему по рублю каждое утро, на обед и проезд; как покупает ему одежду, пусть не по размеру, зато хорошего качества, можно долго носить; как они гуляют по выходным в парке Горького и дочь, такая же пухлая и крупная, как мать, относится к не-

му с тем же снисходительным пренебрежением. Интересно, это их общая дочь или только ее?

— Рита! — окликнула мать, и Марго вздрогнула, вернулась из понятной чужой жизни во внезапно непонятную свою. Если бы она не знала, как плохо у матери с чувством юмора, то решила бы, что все это — неудачная шутка. Но мать шутить не умела и не шутила, смотрела на Марго полными слез глазами, сжавшись, съежившись до размеров ребенка. Она и так-то была невелика, едва доходила Марго до плеча, и всегда было непонятно, как у матери с отцом, невысоких плотных блондинов, могла вырасти длинноногая худая брюнетка. Теперь секрет был раскрыт, и странным образом она испытывала облегчение, словно маленькая эта тайна была важнее, чем вся ее остальная жизнь, вдруг развалившаяся пополам.

— Выходим, поторапливаемся! — крикнула медсестра, и мужичонка снова вскочил, словно чертик на пружинке.

Мать схватила Марго за руку, спросила дрожащим голосом:

— Даже говорить со мной не хочешь?

— Ну что ты несешь! — рассердилась Марго.

Мужичонка вышел, парень, сидевший на соседней койке, встал, наклонился поцеловать пожилую женщину, то ли бабушку, то ли мать, бросил мимоletный взгляд на Марго.

— Вас силой выводить? — возмутилась медсестра, подойдя к кровати.

— Попробуйте, — ласково предложила Марго.

— Рита! — испуганно воскликнула мать.

Марго встала, наклонилась, чмокнула мать в щеку, сказала четко, отдельно, уверенно:

— Ничего не изменилось. Абсолютно ничего, понимаешь?

Мать закивала торопливо, слезы снова текли по ее щекам, но теперь Марго казалось, что они текут намного быстрее.

— Гражданка, вам милицию вызвать? — пригрозила медсестра.

— Да, пожалуйста, — сказала Марго, выходя. — Обожаю людей в форме.

На улице шел дождь. Марго постояла на больничном крыльце, сняла с шеи косынку, повязала на голову. Что-то большое и черное распахнулось прямо над ее головой, словно крыло огромной птицы. Марго оглянулась. Давешний парень держал над ней зонт, улыбался призывно.

— Спасибо, не нужно, — отрезала Марго и вышла из-под зонта.

Парень удивился, но зонта не убрал, шагнул вслед за ней с крыльца, сказал:

— Всего лишь проводить вас до трамвая. На большее не претендую.

— Мне не нужен трамвай.

— Ну до троллейбуса.

— Я живу недалеко, провожать меня не нужно, в дальнейшем знакомстве не заинтересована, телефона не дам, ваш не возьму, — на одном дыхании выпалила Марго и перешла дорогу. На той стороне она оглянулась. Парень все стоял у перехода, смотрел ей вслед. “Ну и дурак!” — сказала себе Марго и зашлепала по лужам.

Дойдя до набережной, она облокотилась на влажные камни, посмотрела вниз на темную лохматую реку. Щеки горели, голова шла кругом, и казалось, что ноги стали хуже держать ее. Она даже потрогала себя за коленки — коленки были на ме-

сте, ее прежние, крепкие, круглые коленки, но странное чувство неустойчивости, зыбкости не проходило.

Когда-то давно, когда отец еще был жив, еще жил с матерью, он взял Марго с собой в деревню, к бабушке. Бабушка ей не очень понравилась, она все время смотрела на Марго вприщур, словно была близорука и хотела разглядеть получше, а как-то вечером, когда они сидели вдвоем с Марго на крыльце и лузгали семечки, вдруг сказала отцу: “Что ж смуглявенькая такая? Беленьких не было, что ли?” Отец, обтесывавший топором новую штaketину для забора, вздрогнул, топор соскользнул со штaketины и попал по пальцу. Попал не сильно, стесал кусочек кожи, но кровь потекла, закапала на землю частыми крупными каплями. Отец засунул палец в рот, невнятно крикнул что-то, Рита догадалась, метнулась в дом, притащила кухонное полотенце, красиво вышитое васильками, первое, что попало под руку. Отец толсто-толсто обмотал палец полотенцем, сказал бабушке с упреком:

— Зачем такое под руку говоришь?

— А у тебя все под руку, — отмахнулась бабушка, — ты ж на месте не сидишь, у тебя задница что ежова голова. А голова что задница, вон, полотенце попортил. Ладно она, ей нашего не жалко, а ты-то что?

Отец выругался, посмотрел виновато на Риту и ушел в дом. Бабушка пошла следом, в дверях обернулась, велела Рите:

— Топор-то приברי, заржавеет.

Рита подняла топор, отнесла в сарай и на всю жизнь запомнила странный этот разговор. Странностей таких было много, и она помнила их все,

но каждую по отдельности. Почему-то вместе они не складывались.

А потом отец ушел, уехал в другой город, они остались с матерью вдвоем. Марго выросла и забыла все эти странности, убрала в самый дальний подвал памяти.

Остался сон, повторявшийся время от времени, хоть и не слишком часто: она лежала на большой кровати с железной спинкой, в самой середине ее, и высокий сильный голос пел над ней песню на непонятном языке. Ей было весело, и совсем не хотелось спать, а голос все пел и пел, и постепенно глаза у нее закрывались, но рука продолжала сжимать чью-то шершавую пухлую ладонь.

Став постарше, она долго приставала к матери, не знает ли та какой-нибудь другой язык, и каждый раз мать пугалась, сердилась:

“Какой еще язык, что это тебе в голову пришло?”

И тут же отправляла ее с каким-нибудь поручением: в магазин за солью, на почту за открытками или просто во двор, проверить, висит ли белье, не упало ли, не стащили ли.

Возвращаясь, она часто заставляла мать с красными глазами, тут явно была какая-то тайна, но вытащить ее из матери, обычно мягкой и уступчивой до податливости, никак не получалось.

А теперь тайна раскрылась сама собой, теперь она знала, но больше всего, сильнее всего хотела не знать, вернуться в прежнее простое и ясное бытие.

Оторвавшись от парашюта, она сделала несколько неуверенных шагов, и медленно, осторожно зашагала в сторону дома, но на повороте не свернула, прошла еще немного вдоль реки, разрывая, как

паутину, липкую, вязкую темноту. Дошла до ряда скамеек, села на крайнюю. Скамейка была влажная, но Марго все равно села, достала сигареты, радуясь тому, что дождь, и темно, и вряд ли кто из знакомых забредет сюда в такое время и в такую погоду.

Рихтер Рина Самуиловна. Если бы судьба повернулась по-другому, то звали бы ее сейчас не Рита, а Рина, и жила бы она не в крохотной хрущевке с матерью, а... Интересно, где бы она сейчас жила? Кем был этот лопоухий длинноносый Самуил Исаакович? Что он делал, что делала его жена и как так получилось, что не нашлось никаких родственников, чтобы взять их дочь, судя по всему — единственную? Бабушки, дедушки, дяди, тети — неужели никто не захотел? Или не смог? Или их просто не было, потому и не нашли? Марго тряхнула головой, брызги с шелкового платка полетели в стороны, несколько холодных капель попало за воротник, она поежилась, закурила новую сигарету. Завтра утром матери делают операцию, встретятся они только послезавтра — крикливая медсестра уже предупредила, что в первый день посетителей не пускают. Ответов придется ждать два дня. И будут ли у матери ответы, знает ли она, захочет ли ответить? И почему вдруг решила рассказать, могла ведь оставить все как есть, и тогда Марго еще лет двадцать ничего бы не знала. Или совсем не узнала бы, никогда, если бы мать сожгла картонную папку. Для чего она хранила ее столько лет, для чего таскала Марго на кладбище?

Она облокотилась на спинку скамейки, сквозь плащ и свитер чувствуя ее холодную, влажную жест-

кость, вытянула ноги, зажмурилась, пытаюсь вспомнить, открыть жизнь назад, к самому началу. Но ничего не было, кроме широкой кровати и высокого голоса, поющего непонятную песню.

Потушив окурочек, Марго щелчком выбила из пачки очередную сигарету, сунула руку в карман — зажигалки не было. Она вывернула оба кармана, вытряхнула сумку прямо на мокрую скамью — зажигалки не было. Наклонившись так низко, что волосы коснулись влажного асфальта, заглянула под скамейку, но и там зажигалки не нашла.

Зажигалку подарил Борька. На вокзале отвел ее в сторону, достал из кармана золотистую плоскую коробочку с рыцарем, единственный трофей, привезенный дедом из Германии, единственную память о сгинувшем в Магадане деду, вложил ей в ладонь, сказал:

— Ты же не бросишь курить, я тебя знаю. Так что будешь каждый день меня вспоминать.

— А ты? — не глядя на него, спросила Марго. — Как ты будешь меня вспоминать?

Он не ответил, поднес к губам ее руку с зажигалкой, поцеловал. Поезд двинулся с места, Борькин отец, стоявший на вагонной подножке, крикнул: “Поторопись!” Борька шагнул назад, не сводя с нее взгляда, споткнулся, упал, вскочил. “Борис!” — снова крикнул отец, уже издали, уже плохо различимый в сумерках, и Борька развернулся, прыгнул на ступеньку, исчез в глубине набиравшего скорость вагона. Осталась зажигалка, последняя вещь, которую он держал в руках, которая лежала в его кармане. Металлы не хранят запахов, это она помнила еще со школы, и все равно долгое время ей казалось, что зажигалка пахнет Борькой — лакрицей, зубной

пастой, старыми книгами. А теперь зажигалка исчезла, совершенно непонятно, как и куда. Она долбанула кулаком по скользким блестящим доскам, наскоро побросала вещи обратно в сумку, опустилась на колени, еще раз внимательно оглядела землю под скамейкой. Зажигалки не было. “Нет, — упрямо сказала она себе. — Нет. Вещи не исчезают просто так”. Наверное, есть дыра, в карманах или в подкладке сумки. В карманах дыры не обнаружилось, и она снова вытряхнула содержимое сумки на скамейку.

Кто-то негромко кашлянул совсем рядом, прямо у нее над головой. Она подняла глаза. Высокий человек в низко опущенном капюшоне протягивал ей ладонь. На ладони лежала зажигалка.

— Вы не это ищите? — сказал человек, и тут же Марго его узнала — больничного парня с зонтиком.

— А зонтик где? — по-дурацки спросила она, но он не удивился, показал на точащую из кармана куртки лаковую рукоятку. Зонтик был хороший, японский, тройной.

— Может, все-таки провожу, — предложил он. Марго не ответила, запихнула наскоро вещи в сумку, встала и пошла, сжимая зажигалку в кулаке. Несколько минут они шли молча, свернули с набережной на главную городскую улицу, прошли два квартала.

— Дальше я сама, — сказала Марго.

Он улыбнулся, продолжая идти следом. Она чувствовала на себе его пристальный взгляд, страшно хотелось оглянуться, и она шагала все быстрее и быстрее. Дошла до дома, так же не оглядываясь, не останавливаясь, подошла к двери, помедлила секунду — он стоял сзади, совсем близко, и молчал, не пытаясь ни остановить ее, ни заговорить с ней.

— Спасибо, — буркнула она и вошла в подъезд.